

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

УДК 343:32:342.4:316.48:316.6(430)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1060-1072>А. А. ГЛУХОВА¹,Д. А. ШПИЛЕВ^{1,2}¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия² Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ: ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ ИЛИ СВОЕВРЕМЕННОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ?

Контактное лицо:

Глухова Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18

E-mail: namvd_crime@mail.ruORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>**Шпилев Дмитрий Анатольевич**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ; профессор кафедры социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18

E-mail: namvd_crime@mail.ruORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

Цель: на основе анализа публикаций немецких криминологов и социологов выявление и описание основных направлений развития современной уголовной политики Германии, включая работу пенитенциарной системы, определение степени влияния новых угроз (международного терроризма) на регламентационную деятельность государства и тем самым на права и свободы граждан.

Методы: общенаучные (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования, сравнительно-правовой) и частнонаучный метод – контент-анализ научных публикаций немецких криминологов и социологов.

Результаты: выявлено и описано влияние так называемых новых комплексных или сложных угроз на изменения в немецкой уголовной политике, а именно наметившаяся тенденция к возрождению пунитивности, т. е. ужесточению уголовного права, а также переходу правового государства в превентивное, в котором лишь предстоит вновь найти баланс между свободой и безопасностью граждан.

Научная новизна: в статье впервые рассматриваются потенциальные изменения современной уголовной политики Германии, направленные на построение новой системы обеспечения безопасности в современном «обществе риска», возможность сохранения при этом фундаментальных гражданских свобод, анализируется опасность разделения уголовного права на общегражданское уголовное право и специальное уголовное право для борьбы с врагами (например, с террористами, рецидивистами, киднепперами), а также в контексте национальной правовой политики

Глухова А. А., Шпилев Д. А. Современная уголовная политика Германии: пример для подражания или своевременное предостережение?
Glukhova A. A., Shpilev D. A. Contemporary criminal policy of Germany: example to follow or timely warning?

раскрываются альтернативные (специальные) формы лишения (ограничения) свободы, применяемые в Германии: «социальная терапия», помощь условно осужденному и установление надзора за его поведением, общественно полезный труд, электронный браслет.

Практическая значимость: результаты исследования раскрывают существенные характеристики возможных изменений в современной немецкой уголовной политике, которую часто критикуют за рациональный гуманизм и нерешительность при принятии неотложных мер. В нашей стране также активно обсуждаются вопросы, связанные с адекватностью наказания за те или иные преступления. Как правило, речь идет о четырех инструментах криминальной политики, применение которых вызывает наибольшее количество споров как в России, так и в Германии: смертная казнь, применение пыток, пожизненное лишение свободы и дополнительное превентивное заключение. Анализ правотворческого и правоприменительного опыта немецких коллег может быть очень полезным, так как позволит избежать ненужных ошибок, сэкономить человеческие, временные и финансовые ресурсы, подготовить нашу правовую систему к ответу на самые сложные вызовы современности.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; преступность; пунитивность; пенитенциарная система; правовая культура; правовая политика; ресоциализация; правовое государство; терроризм; безопасность

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Глухова А. А., Шпилев Д. А. Современная уголовная политика Германии: пример для подражания или своевременное предостережение? // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 1. С. 1060–1072. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1060-1072>

A. A. GLUKHOVA¹,

D. A. SHPILEV^{1,2}

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

² Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

CONTEMPORARY CRIMINAL POLICY OF GERMANY: EXAMPLE TO FOLLOW OR TIMELY WARNING?

Contact:

Anna A. Glukhova, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: namvd_crime@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

Dmitriy A. Shpilev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Professor of the Chair of General Sociology and Social Work, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: namvd_crime@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

Objective: based on the analysis of publications of German criminologists and sociologists, to identify and describe the main directions of development of modern criminal policy in Germany, including the work of penitentiary system, to determine the influence of new threats (international terrorism) on the regulatory activities of the state and thus on the rights and freedoms of citizens.

Methods: general scientific (analysis, systemic-structural approach to the analysis of the study object, comparative legal method) and a specific scientific method – content analysis of scientific publications of German criminologists and sociologists.

Results: the author identifies and describes the influence of the so-called new complex threats on the changes in the German criminal policy, namely the emerging trend towards the revival of punitiveness, i.e. tightening of criminal law, as well as the transition of the rule of law state into a preventive one, in which it is necessary to find a balance between freedom and security of citizens.

Scientific novelty: the article for the first time examines the potential changes in the modern criminal policy of Germany aimed at building a new security system in the modern "risk society", the possibility to preserve the fundamental civil liberties; analyzes the danger of dividing criminal law into civil criminal law and special criminal law to combat enemies (for example, terrorists, recidivists, kidnappers); in the context of the national legal policy, alternative (special) forms of deprivation (restriction) of liberty used in Germany are described: "social therapy", assistance to a probationer and establishment of supervision over their behavior, socially useful work, an electronic bracelet.

Practical significance: the study results reveal the essential characteristics of possible changes in the modern German criminal policy, which is often criticized for rational humanism and indecision in taking urgent measures. Russia is also actively discussing the issues related to the adequacy of punishment for certain crimes. As a rule, four instruments of criminal policy are identified, the use of which causes the greatest number of disputes both in Russia and in Germany: death penalty, torture, life imprisonment and additional preventive detention. The analysis of the law-making and law-enforcement experience of German colleagues can be very useful, as it will help to avoid unnecessary mistakes, save human, time and financial resources, and prepare our legal system to respond to the most complex challenges of our time.

Keywords: Criminal law and criminology; Crime; Punitiveness; Penitentiary system; Legal culture; Legal policy; Resocialization; Legal state; Terrorism; Security

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Glukhova A. A., Shpilev D. A. Contemporary criminal policy of Germany: example to follow or timely warning?, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 1. Pp. 1060–1072 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1060-1072>

Введение

Резкий всплеск интереса немецких правоведов к проблемам внутренней безопасности фиксируется сразу после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. Новый «международный терроризм» был воспринят западной общественностью как существенная угроза. Европейские политические элиты единодушно подчеркнули масштабность этого события и призвали к мерам по защите населения от террористической угрозы. Фактически европейские национальные государства отреагировали на проблему нового «терроризма» интенсивной регламентационной деятельностью. Интересно, что некоторые ученые, занимаясь этой проблемой, в качестве теоретического подхода к исследованию выбирали так называемую политику риска в контексте популярного тезиса о появлении мирового общества риска (Ульрих Бек [1]). Поэтому реакция правительств на 11 сентября 2001 г. часто интерпретируется как усилия по урегулированию рисков. Риск понимается как концепция проведения политики в условиях отсутствия безопасности, которая подразумевает процесс взвешивания

и рациональной оценки вариантов действий со стороны политических субъектов [2].

Действительно, одной из важнейших проблем современного мира являются так называемые комплексные, или сложные, угрозы (komplexe Bedrohungsformen). С одной стороны, данным термином обозначаются преступления, в результате которых, например в случае террористических актов, нарушаются многие индивидуальные блага и ценности, такие как жизнь, здоровье или имущество. С другой стороны, этим термином также обозначаются преступления против основных коллективных законных прав, последствия которых способны подорвать основы государства и общества. Помимо незаконного оборота наркотиков, отмывания денег и коррупции, к этой группе преступлений относятся и экстремистские акты насилия, а также их публичное прославление или распространение в Интернете.

Следует отметить, что и в России ведется интенсивное обсуждение террористических угроз и социально-политических механизмов борьбы с ними. В частности, Х. Р. Гагиев, анализируя дан-

ные социологических опросов, указывает на то, что большинство жителей нашей страны не считает допустимым для борьбы с террористическими угрозами ограничивать права и свободы граждан, вводить цензуру, прослушивать телефонные разговоры. Однако при этом респонденты настаивают на ужесточении уголовного наказания пособникам террористов, на введении смертной казни для самих террористов [3]. Тема сохранения свободы средств массовой информации (далее – СМИ) при одновременном пресечении использования их для пропаганды радикализма, экстремизма и террористических актов обсуждается также в статье М. В. Петренко [4]. Автор указывает на то, что в современных условиях нам еще только предстоит найти баланс между свободным доступом граждан к информации и использованием СМИ для борьбы с террористическими угрозами. В данном контексте остро встает проблема злоупотребления правом (т. е. публично-властными полномочиями в ситуации противодействия террористической деятельности), которая рассматривается, в частности, в работе В. И. Крусса и О. А. Зайцевой [5], а также в работе А. А. Рыжовой [6]. Авторы указывают, что при проведении антитеррористических операций граждане могут лишаться множества благ, таких как жизнь, здоровье, достоинство личности. Под угрозой часто оказывается просто возможность безопасного и комфортного проживания человека. Это означает, что проблема нахождения оптимального соотношения между обеспечением безопасности и соблюдением прав и свобод человека в современном мире еще не решена. Всестороннему рассмотрению данной проблематики посвящены работы В. А. Музалевской [7] и И. А. Лошкаревой [8].

Следует отметить, что российские ученые пристально следят за изменениями в уголовном праве других стран, в частности, Германии. В данном случае нас интересуют изменения, вызванные реакцией немецкого общества на преступления, представляющие особую общественную опасность, (к которым, несомненно, относится институт превентивного заключения в Германии), а также их причины анализируются в статьях С. Н. Овчинникова [9] и Д. Д. Харламова [10].

При этом необходимо упомянуть и то, что и в России, и в Германии в настоящее время сталкиваются две противоположные тенденции: к ужесточению

уголовной политики и к ее гуманизации. Подобная ситуация может оказать на уголовное право разрушительное воздействие. Анализ социальной обусловленности уголовной политики представлен в работе И. А. Клепицкого [11].

В контексте обсуждения тенденций развития современной уголовной политики особое внимание немецкие ученые уделяют функционированию пенитенциарной системы, например, возможности ее приватизации. В России данные вопросы изучают, в частности, О. В. Соколова [12] и Т. В. Кикоть-Глуходедова [13].

Уголовная политика любого государства во многом определяется национальной правовой культурой. Исследованию правовой культуры Германии посвящена работа Р. В. Антропова и Ц. С. Дондокова [14].

Рассмотрим, как на вышеназванные вопросы отвечают сами немецкие исследователи.

Результаты исследования

Поиск баланса между свободой и безопасностью
Анализ публикаций немецких социологов и криминологов за последние два десятилетия показал, что основной задачей нового немецкого законодательства в области безопасности стала минимизация рисков. Имеется в виду ситуация, когда судебное преследование начинается до совершения преступления, чтобы заблаговременно получить контроль над крупными катастрофами или серьезными угрозами. Потребность в защите от различных рисков все больше затмевает классическую правовую безопасность. Уголовное право используется уже не просто для преследования за совершенные преступления, но все больше для защиты от будущих преступлений. Поэтому некоторые специалисты по конституционному праву называют его превентивным уголовным правом и говорят о переходе правового государства в превентивное, в котором еще необходимо найти адекватный баланс между свободой и безопасностью. Ситуацию еще более осложняет возрождение пунитивности, т. е. тенденции к ужесточению уголовного права. Эта тенденция стала ясно проявляться во всем мире, а со второй половины 1990-х гг. она ощущается и в Германии, отчасти благодаря ужесточению правовых норм, регулирующих определение размера наказания, отчасти путем ужесточения санкций и мер по обеспечению безопасности. В настоящее время на фоне

анализа критической теории уголовного права рассматриваются задачи уголовной и криминалистической политики. Рациональная уголовная политика должна объективно и реально учитывать наличие потенциальных угроз, но в то же время обеспечивать соблюдение основополагающих принципов правового государства, защищать традиции уголовного и конституционного права даже в непростой современной ситуации. В противном случае, учитывая принцип пропорциональности и потенциальную опасность ряда конкретных ситуаций, можно быстро прийти к осознанию того, что безопасность часто возможна только ценой ограничений свободы многих граждан [15].

Это означает, что в современном мире ежедневно приходится находить компромисс между свободой и безопасностью. Государство постоянно пребывает в очень сложной ситуации, так как обеспечение безопасности является одним из основных конституционных принципов, считается самой важной целью государственности. Классическим способом обеспечения государственной безопасности являются требования и запреты, которые необходимо исполнять. В случае несоблюдения и нарушения следует наказание. Однако в современном мире общественные и частные интересы сливаются все больше и больше. Например, частный инвестор строит электростанцию, которая затем будет использоваться в общественных интересах. Сотрудничество между государственными и частными субъектами становится все шире, будь то компании или граждане. В современном промышленно развитом обществе обеспечение безопасности уже не может быть основано на простой готовности к известным угрозам. Новая система обеспечения безопасности должна предусматривать, насколько это возможно, непредвиденные события. Следует прогнозировать, например, опасность эксплуатации атомной электростанции, а также возможные последствия аварии; поэтому важность мнения экспертов значительно возрастает. Все участвующие субъекты должны осознавать наличие так называемых остаточных рисков и стараться сделать их максимально управляемыми. Государство больше не несет полной ответственности за безопасность, так как не имеет больше полного контроля над ситуацией. Речь идет о полноправном участии сторон в процессе обеспечения максимального уровня безопасности и такой подход, типичный для «общества риска», должен быть закреплен законодательно [16].

Согласно Основному Закону Германии, задача государства – защищать личность и гарантировать ее свободу¹. При этом государство должно уважать и соблюдать определенные правовые и этические ограничения. Усиление мер безопасности в ответ на угрозу международного терроризма ставит вопрос о том, не станут ли сами права, защищаемые законом, жертвами новой политики государственной безопасности. Не получит ли полиция непропорционально широкие полномочия для вмешательства в личную жизнь граждан? Каким образом можно оценить соотношение между мерами безопасности и серьезностью противостоящей угрозы? Как можно гарантировать, что разведывательные службы как элементы архитектуры государственной безопасности соблюдают юридические и этические стандарты в своей секретной и потому трудно контролируемой работе? [17].

Действительно, страх перед террором называют самым грозным оружием террористов. Людей, поддавшихся панике, в многочисленных фельетонах стали изображать с бомбой в голове. Поэтому задачей государства является профилактика паники и борьба со страхом населения перед преступностью. Меры, разработанные полицией, возродили формы социального контроля, которые уже считались утраченными и укрепили сотрудничество государственных и частных субъектов в области безопасности. Речь, в частности, идет об активизации деятельности частных охранных предприятий, о патрулировании гражданами улиц и дворов и т. д. Тем не менее государство по-прежнему должно защищать частную жизнь граждан. Но именно из этой неконтролируемой сферы частной жизни часто возникают так называемые спящие террористы, представляющие максимальную угрозу для остального населения. Этой новой угрозе очень трудно что-либо противопоставить, так как до настоящего времени в основе либерального общества лежала идея свободы, а используемая стратегия социального контроля носила название «контролируемая автономия» [18].

В прежние времена ядром системы внутренней безопасности была монополия государства на насилие и издание правовых актов, которая гарантировала,

¹ Основной Закон Федеративной Республики Германия. Ст. 2, п. 1, 2; Ст. 104, п. 1, 2, 3. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).

что совместная жизнь людей в стране не превратится в «войну всех против всех» [19]. В контексте построения общеевропейской системы безопасности необходимо определить, как изменились задачи и компетенции федерального правительства и федеральных земель с учетом того факта, что теперь обеспечение внутренней безопасности является совместной задачей Европейского союза, федерального правительства Германии и правительств федеральных земель. Открытым остается вопрос о перераспределении полномочий в этой многоуровневой системе, так как каждый из участников старается получить максимальное количество компетенций и зон ответственности, а в конечном итоге и финансирования [20].

Действительно, не стоит забывать о том, что в современном глобальном мире безопасность больше не является национальной, ей угрожают события, которые уходят своими корнями в другие страны. Миграционные потоки переносят конфликты из одних регионов и стран в другие. Силам, обеспечивающим безопасность, приходится адаптироваться к совершенно новым вызовам. Поскольку проблемы безопасности должны обсуждаться в глобальных рамках, необходимо включить в дискуссию такие темы, как культурные различия и чрезвычайные ситуации в социальной сфере. Государства вынуждены искать ответы на три основополагающих вопроса: 1. Что обозначает на сегодняшний день понятие «внутренняя безопасность» с точки зрения национального долга по защите внутригосударственного устройства, обеспечения принципов правового государства при сохранении международных и транснациональных связей в глобальном мире? 2. Что такое безопасность как таковая? 3. Как должна разрабатываться и внедряться политика безопасности?

В настоящее время принято считать, что безопасность является основой свободы; предположение о том, что слишком большая безопасность может задушить свободу, понимается как старомодное, поскольку сегодняшняя опасность исходит от организованных людей и больше не идет от государства. Наоборот, государство должно стать превентивным с проактивным поведением, постоянно фокусируясь на диффузных опасных ситуациях и исследуя возможные источники опасности. При этом оно должно постоянно принимать во внимание возможные последствия такой деятельности для гражданских прав и свобод [21].

Именно поэтому многие социологи и криминологи в Германии в своих исследованиях часто возвращаются к вопросу так называемых фундаментальных гражданских свобод. К ним относится, например, право на проведение собраний. В современном обществе люди вновь должны понять, что сама по себе гарантия прав и свобод со стороны государства значит очень мало. Права не вступают в силу до тех пор, пока они не будут активно использоваться гражданами. Так, в США есть правовая конструкция, которая называется основополагающим правом на свободу от страха. Это одна из свобод, охраняемых правом. Однако существует парадокс, согласно которому свобода и разнообразие общества (т. е. отсутствие страха и творческая воля немногих) может стать источником страха для других, для тех, кто предпочитает более понятное и предсказуемое общество. Всегда следует помнить о том, что установленные и гарантированные основные права могут быть практически подорваны сопутствующими мерами. Например, существует право на свободу собраний. Однако, когда участие в митинге постоянно контролируется полицией, многие граждане больше не захотят там присутствовать. Существует также парадокс «избытка» или «недостаточности» безопасности. Отказ от свободы может быть вызван отсутствием достаточных правовых гарантий со стороны государства. Например, когда левые больше не используют свое право на свободу слова, так как опасаются мести правых экстремистов, управляющих улицей. Таким образом, отсутствие государственного порядка приводит к ограничению свободы. Но может быть и обратный вариант – освобождение от ответственности из-за чрезмерной политики безопасности, когда обеспечение безопасности связано с избытком контроля и мониторинга. И избыточная, и недостаточная безопасность могут стать причиной неуверенности и страха. Кроме того, специалисты говорят о добровольном отказе от свободы, например, при массовой добровольной сдаче ДНК или при добровольном согласии на видеонаблюдение. При этом если кто-то отказывается от добровольного участия, то сразу попадает под подозрение. Если вы хотите пересечь рынок, контролируемый видеокameraми, то вы либо отказываетесь от анонимности, либо от своего права на перемещение и использование общественных мест. Таким образом, использование свободы или отказ от нее определяет характер государства и общества [22].

Разделение уголовного права. В последнее время все отчетливее проявляются попытки трактовать современное уголовное право как символическое уголовное право, применяемое для борьбы с потенциальными рисками. Если принять такую трактовку, то начнется процесс прощания с универсальным и равным правоприменением и начинается процесс неформализации права. Подобные целесообразность и понимание права делают само понятие права бессодержательным и создают почву для произвола, нарушают принцип равенства всех перед законом. Оправдывая свое существование необходимостью борьбы с терроризмом, постпревентивное уголовное право будет стремиться обеспечить себе глобальное господство. Вместо уголовного права для всех граждан возникнет специальное уголовное право для борьбы с врагами. На самом деле задача заключается в сохранении традиционных принципов уголовного права в либеральной демократии. Говоря о специальном уголовном праве для борьбы с врагами, в конъюнктурной демонстрации эффективной защиты от преступности законодатели все больше релятивизируют те гарантии свободы, которые воплощены в принципе ответственности только при наличии вины. Подобный неоднозначный подход начинает все больше проявляться и в уголовно-правовой теории: разделение специального уголовного права для борьбы с врагами и общегражданского уголовного права призвано спасти правовые гарантии, закрепленные в традиционном уголовном праве. Однако гарантии правового государства не должны зависеть только от доброй воли законодателя и правоприменителя, понижая статус гражданина как непосредственного демократического суверена до зависимого протеже государственной власти [23].

В противном случае уголовное право больше не будет гарантом существования пространства гражданской свободы. Вместо этого право на безопасность потребует отказаться от свободы и жизни в качестве имущественной жертвы во имя исполнения своего гражданского долга. Таким образом, необходимо вспомнить о традициях европейского уголовного права, которое основано на принципах свободы, использует силу государства только для борьбы с вопиющей несправедливостью, не содержит чрезмерных налоговых требований и обеспечивается сильной независимой судебной властью в противовес двум

другим ветвям государственной власти [24]. Стоит отметить, что причин для подобных попыток пересмотра основополагающих правовых норм и принципов в современном мире действительно много.

Неслучайно одной из дискуссионных тем, обсуждаемых в настоящее время немецкими социологами, является вопрос о том, насколько законными, легитимными являются попытки в современном правовом государстве в определенных условиях, например, при борьбе с терроризмом. В Германии эта дискуссия связана со «случаем Дашнера» – полицейского, применившего к похитителю ребенка силу, для того чтобы получить информацию о местонахождении заложника и возможных обстоятельствах, угрожающих его жизни. Похититель дал показания, однако ребенка он убил еще раньше. Сочетание этого инцидента и реальной угрозы для больших групп людей, возникшей в результате террористических актов 11 сентября 2001 г., вывело в Германии вопрос о легитимности попыток из сферы простых теоретических построений в область интенсивного общественного обсуждения. Как известно, современное правовое государство гарантирует гражданам, что они никогда не подвергнутся со стороны государства воздействиям, ломающим их волю и, таким образом, отрицающим их как субъектов права. Это касается любого человека, даже террориста. Но особенно это важно для тех, кто может подвергнуться ошибочной пытке: ведь у них не будет возможности благодаря даче показаний уменьшить свои мучения [25].

Важно, что специалисты критикуют уголовную политику Германии за стремление обеспечить всеобъемлющую безопасность, за безудержный плюрализм вместо рационально-гуманистической умеренности, за нерешительность при необходимости принятия неотложных мер. Существуют четыре пресловутых инструмента криминальной политики, применение которых вызывает наибольшее количество споров, прежде всего, в Германии: смертная казнь, применение пыток, пожизненное лишение свободы и дополнительное превентивное заключение [26].

Повышение пунитивности в немецкой системе уголовной юстиции. Еще одной проблемой, на которую обращают внимание немецкие ученые, является тенденция повышения пунитивности, фиксируемая в последние годы в немецкой системе уголовной юстиции. Возрастают сроки содержания под стражей,

Глухова А. А., Шпилев Д. А. Современная уголовная политика Германии: пример для подражания или своевременное предостережение?
Glukhova A. A., Shpilev D. A. Contemporary criminal policy of Germany: example to follow or timely warning?

превентивного заключения, уменьшается количество досрочно освобожденных. Безусловно, интересным является и тот факт, что в подобном направлении двигаются системы уголовного правосудия других европейских стран [27].

Одной из причин повышения пунитивности, по мнению немецких исследователей, является большое число рецидивов среди различных групп преступников. Действительно, отбывание наказания не всегда способно предотвратить повторное совершение уголовно наказуемых деяний. Мало того, пребывание в пенитенциарной системе считается вредным и болезненным. От политических условий в отдельных федеральных землях часто зависит, будет ли заключенный получать терапевтическую помощь, будет ли исполнение приговора «открытым», т. е. позволяющим заключенному сохранить контакт с обществом. Следует отметить, что в Германии существуют так называемые специальные формы содержания под стражей, например, социальная терапия. В стандартных тюрьмах специализированные учреждения используются все реже, вместо них создаются отделения социальной терапии, пребывание в которых значительно отличается от повседневного быта обычных заключенных. Отделения социальной терапии специализируются на оказании социальной и психотерапевтической помощи, в частности, заключенным с сексуальными расстройствами. Еще одним примером социально-терапевтической интервенции являются так называемые программы подавления агрессии, направленные на агрессивных насильственных преступников. Эффективность этих программ, в частности, для условно-досрочно освобожденных (позволяющих им больше не совершать подобных преступлений в будущем) еще не доказана и требует дополнительных эмпирических замеров. Еще одной формой обособленного размещения заключенных является превентивное заключение. В последние годы превентивное заключение стало применяться в широких масштабах. Несмотря на то, что заключенные, находящиеся в превентивном заключении, считаются более опасными, они в своих жилых группах часто чувствуют себя более комфортно и удобно по сравнению с обычными заключенными. Кроме того, используются и альтернативные формы лишения (ограничения) свободы, такие как помощь условно осужденному и установление надзора за его поведе-

нием, общественно полезный труд или электронный браслет [28].

Стоит также учесть, что немецкие социологи активно изучают международный опыт, в частности, американский. Так, в середине 90-х гг. XX в. на значительной территории Америки была принята жесткая уголовно-правовая концепция обращения с неисправимыми и опасными рецидивистами, т. е. со злостными профессиональными преступниками. Эта концепция использовала простую логику и правило бейсбола: три удара – и ты выбываешь из игры (Three Strikes and You're Out!). Это означает, что после совершения преступления в третий раз в действие вступают специальные предписания (законы), значительно ужесточающие наказание. То есть после получения преступником третьего срока необходимо защитить всех честных людей от неисправимого злодея, «удалив его с общественного поля» (следует автоматическое назначение пожизненного лишения свободы). В США этот так называемый новый бейсбольный закон долгое время считался наилучшим рецептом для борьбы со всеми криминальными проблемами, так как в соответствии со статистическими данными эта небольшая группа рецидивистов несла ответственность за значительную часть всех совершаемых преступлений [29].

Для успешной ресоциализации заключенных пенитенциарной системе, безусловно, требуются серьезные финансовые средства. Поэтому в последние несколько лет среди юристов началось обсуждение модного слова «приватизация», которое у многих участников дискуссии ассоциировалось с эффективностью и прогрессивностью. В общем и целом речь шла о возможности приватизации в такой чувствительной области, как пенитенциарная система. Однако существует прочный приватизационный барьер, вытекающий из государственной монополии на власть и основанный на Основном Законе ФРГ, которая является конституционным государством и обладает полной монополией на применение силы. Кроме того, в законах прописаны и основные права задержанных и заключенных, поэтому частным лицам может быть передано очень мало функций [29]. Тем не менее в Германии в г. Хюнфельд уже появилась первая частная тюрьма, в которой отбывают наказание 500 заключенных. Большинство персонала – гражданские лица, а за безопасность отвечают надзиратели – государственные служащие [31].

Действительно, немецкие исследователи подробно рассматривают и анализируют политику приватизации в пенитенциарной системе США. Приватизация и расширение тюрем выгодно большому количеству участников рынка: военно-промышленному комплексу, муниципалитетам, – так как при этом создаются рабочие места и запускается местная экономика. Приватизация тюрем обещает быструю и высокую прибыль для капитала. Пенитенциарные учреждения превращаются в эффективных лоббистов для растущего тюремно-промышленного комплекса. А богатые (белые) кварталы по соседству готовы оплатить повышенную безопасность в так называемых закрытых сообществах. Необходимо вспомнить, что именно Билл Клинтон одобрил закон (Three Strikes), в соответствии с которым людей после трех серьезных преступлений приговаривают к пожизненному заключению. Таким образом, массовое лишение свободы (примерно 4 % населения США) является логичным и функциональным, так как обеспечивает большое количество рабочей силы. Этому способствуют, в частности, жесткие законы о наркотиках и о насильственных преступлениях. Вопрос лишь в том, насколько подобная политика соответствует идеологии неолиберализма [32].

Немецкие специалисты отмечают, что для проведения приватизации в пенитенциарной системе, аналогичной приватизации в США, потребуются фундаментальные изменения в государственно-правовых основах немецкого государства. Будет ли внесение подобных изменений оправданным, может показать только тщательный анализ эмпирических данных о работе частных тюрем [33].

Действительно, увеличение числа заключенных и подследственных приводит к появлению двух типов проблем – первичных и вторичных. К первичным проблемам относятся нехватка инфраструктурных мощностей, переполненность. К вторичным – возрастающая агрессивность и готовность к насилию среди заключенных, сверхурочная работа обслуживающего персонала, необходимость экономии денежных средств. Именно поэтому немецкие специалисты активно исследуют возможность и целесообразность переноса американского опыта приватизации на немецкую землю [34]. Вопрос этот важен, так как в современных западных индустриальных обществах число заключенных и задержанных в гораздо меньшей степени зависит от дохода на душу населения,

чем от социальной и конституционной концепции правительства [35].

О том, что наказание правонарушителя путем лишения свободы часто приводит к крайне негативным последствиям, в немецкой социологической литературе написано достаточно много. В частности, говорится о том, что лишение свободы вредно и даже патогенно, что оно неспособно предотвратить повторные преступления (рецидивы) [36]. В качестве дополнительных аргументов в пользу вне тюремного исполнения наказания приводятся данные о высокой стоимости одного дня содержания заключенного в немецкой тюрьме (она составляет 75 евро), а также о том, что (как уже говорилось выше) в современной немецкой тюрьме, помимо изучения так называемого воровского закона (кодекса чести), заключенные в полной мере усваивают субкультуру переселенцев (в том числе особо жесткие поведенческие паттерны мигрантов из стран СНГ) [37]. Таким образом, в сознании немецких граждан формируется мнение о том, что для успешной ресоциализации правонарушителя необходимо сохранить полноценный контакт с обществом, что и происходит, например, при условном осуждении с испытательным сроком. При этом за процессом ресоциализации условно осужденного наблюдает социальный работник, способный оказать поднадзорному (пробанду) всю необходимую помощь.

Правовая культура vs правовая политика. Большое количество самых разнообразных точек зрения на перспективы развития уголовного права в Германии привело к тому, что среди ученых большой популярностью стала пользоваться тема правовой культуры. Однако в настоящее время к данной теме социологи и криминологи возвращаются все реже. Возможно, это связано с тем, что термин «правовая культура» так и не получил однозначной дефиниции. В данном термине соединены два других термина: достаточно точный термин «право» и многозначный термин «культура», что резко снижает шансы на создание однозначного определения. Некоторые ученые считают, что под правовой культурой можно понимать процесс осуществления правосудия в самом широком смысле слова. Однако такое сужение дефинитивного поля не является продуктивным, так как концентрация на судопроизводстве отвлекает внимание от второго аспекта правовой культуры – правовой политики. Стоит отметить, что в Германии есть журнал с названием «Правовая политика»,

Глухова А. А., Шпилев Д. А. Современная уголовная политика Германии: пример для подражания или своевременное предостережение?
Glukhova A. A., Shpilev D. A. Contemporary criminal policy of Germany: example to follow or timely warning?

но нет издания «Правовая культура». Американцы, в свою очередь, очень часто используют термин *legal culture*, но только в очень широком смысле, например, для обозначения событий, происходящих в правовой жизни. Немецкие ученые отмечают, что в Германии понимание термина «правовая культура» предполагает отражение базовых ценностей, закрепленных в правовой системе того или иного государства. В американской трактовке наблюдается прямо противоположное явление: с точки зрения действующего американского права и американской правовой культуры такие явления, как Гуантанамо или Абу-Грейб, являются вполне допустимыми, чего нельзя сказать про европейскую трактовку правовых норм. В любом случае необходимо помнить о том, что культурное достижение уголовного права заключалось в том, чтобы отменить частную месть и притормозить государство в его стремлении немедленно применить силу [38].

Выводы

В первую очередь следует отметить, что в своей истории наша страна часто обращалась к опыту Германии, а традиционная историческая близость и взаимосвязь между нашими странами, схожесть переживаемых нашими обществами процессов позволяют говорить об опережающем опыте немецкого государства, который для России является бесценным. Поэтому анализ правотворческого и правоприменительного опыта немецких коллег может быть очень

полезным, так как позволит избежать в будущем ненужных ошибок, сэкономить человеческие, временные и финансовые ресурсы, подготовить нашу правовую систему к ответу на самые сложные вызовы современности, такие как международный терроризм, преступность мигрантов и т. д.

Во-вторых, Россия является частью мирового сообщества, но при этом обладает своей особенной правовой культурой, в рамках которой и должен быть найден баланс между правами и свободами граждан, с одной стороны, и новыми требованиями к системе обеспечения безопасности, с другой. Для поиска оптимального решения данной задачи неизбежен анализ мер, принимаемых в этой сфере другими государствами.

В-третьих, пенитенциарная система России нуждается в серьезных изменениях как инфраструктурного, так и функционального плана. По сути дела, спектр возможных изменений в системе исполнения наказания достаточно широк – от американского (жесткого) до норвежского (мягкого) варианта. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что и такие развитые страны, как Германия, также в настоящий момент времени решают схожие вопросы, проверяя все технологии своих партнеров перед переносом на свою землю с помощью социальных экспериментов и серьезных эмпирических исследований. Такой подход как минимум достоин уважения, а как максимум может быть взят на вооружение и нашими специалистами.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну: пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Woyke W. Internationaler Terrorismus als sicherheitspolitische Herausforderung (Seminarunterlagen). Online abgerufen am 05.05.2018. URL: <http://www.unimuenster.de/Politikwissenschaft/Doppeldiplom/woyke/IntTer.ppt>
3. Гагиев Х. Р. Социально-политические механизмы борьбы с террористическими угрозами в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 42–44.
4. Петренко М. В. Роль современных СМИ в борьбе с террористическими угрозами // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 4–5. С. 56–63.
5. Красс В. И., Зайцева О. А. Злоупотребления правом и противодействие террористическим угрозам в Российской Федерации // Международная очно-заочная научно-практическая конференция. Тверь: Тверской государственный университет, 2016. С. 112–117.
6. Рыжова А. А. Защита права на жизнь при противодействии террористическим угрозам // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: материалы Всероссийской научной конференции: в 2 т. Саранск, 2016. С. 123–128.
7. Музалевская В. А. Баланс между обеспечением социетальной безопасности и соблюдением прав и свобод человека в современном мире: теоретические и практические подходы // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2013. № 3. С. 90–94.

8. Лошкарева И. А. Свобода или безопасность: нериторический вопрос современности // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики: сборник научных статей и докладов VII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н. А. Щеголевой. Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Орловский филиал, 2015. С. 118–121.
9. Овчинников С. Н. К вопросу об актуальных изменениях в уголовном праве Германии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 334–339.
10. Харламов Д. Д. Проблемы применения превентивного заключения в уголовном праве Германии // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7 (35). С. 173–182.
11. Клепицкий И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Государство и право. 2017. № 4. С. 39–48.
12. Соколова О. В. Приватизация или публично-частное партнерство в системе исполнения наказаний: зарубежный опыт и перспективы российской пенитенциарной практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 2. С. 18–21.
13. Кикоть-Глуходедова Т. В. Особенности организации пенитенциарных систем современных демократических государств // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции / под общ. ред. А. А. Вотинова. 2016. С. 278–281.
14. Антропов Р. В., Дондоков Ц. С. Правовая культура как важнейший элемент правовой системы общества: понятие и особенности в немецкой правовой доктрине // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 6 (109). С. 138–142.
15. Schoch H. Kriminalpolitik in Zeiten komplexer Bedrohungsformen // Kriminologie und wissenschaftsbasierte Kriminalpolitik: Entwicklungs- und Evaluationsforschung. Bonn: Forum Verl. Godesberg, 2007. S. 45–64.
16. Morlok M., Krüper J. Sicherheitsgewährleistung im kooperativen Verfassungsstaat // Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008. S. 331–340.
17. Smidt W., Poppe U. Fehlbare Staatsgewalt: Sicherheit im Widerstreit mit Ethik und Bürgerfreiheit (Demokratie und Geheimdienste, Bd. 2). Berlin: Lit Verl, 2009. IV. 350 s.
18. Kätter M. Subjektive Sicherheit, Autonomie und Kontrolle: eine Analyse der jüngeren Diskurse des Sicherheitsrechts // Der Staat: Zeitschrift für Staatslehre und Verfassungsgeschichte, deutsches und europäisches öffentliches Recht, Bd. 43/2004. H. 3. S. 371–398.
19. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
20. Ooyen R., Müllers M. Demokratie und Polizei: europäisierte Sicherheit im Mehrebenensystem aus politikwissenschaftlicher Sicht. // Europäisierung und Internationalisierung der Polizei. Frankfurt am Main: Verl. für Polizeiwiss, 2006. S. 81–87.
21. Heinrich S., Lange H.-J. Erweiterung des Sicherheitsbegriffs // Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen. Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008. S. 253–268.
22. Gusy Ch. Freiwilliger Verzicht auf Bürgerrechte // Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008. S. 321–329.
23. Streng F. Bürgerstrafrecht oder Feindstrafrecht? // Criminal justice in the United States and Germany: history, modernization, and reform. 2006. S. 195–218.
24. Albrecht P.-A. Abschied vom Recht: das nachpräventive Strafrecht // Zeitschrift für Bürgerrechte und Gesellschaftspolitik. Jg. 46/2007. H. 2 = H. 178. S. 27–43.
25. Reemtsma J.-P. Folter im Rechtsstaat? Hamburg: Hamburger ed., 2005. 150 s.
26. Kreuzer A. Zur Entwicklung äußerster kriminalpolitischer Instrumente: Todesstrafe, Folter, lebenslange Freiheitsstrafe und Sicherungsverwahrung in Deutschland // Blick über den Tellerrand: Dialog zwischen Recht und Empirie; Festschrift für Hisao Katoh, den Förderer des Dialogs von und nach Japan, Lengerich: Pabst, 2008. S. 61–82.
27. Obergfell-Fuchs J. "Punitivity" within the criminal justice system in Germany // Fear of crime – punitivity: new developments in theory and research, Bochum: Brockmeyer, 2008. S. 303–320.
28. Alex M., Feltes T. Von der Pathogenie des Strafvollzugs: rationale Erklärung für ein irrationales Phänomen // Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008. S. 89–102.
29. Kostler-Loewe A. Strafrecht US-Style: «three strikes and you're out!»: Baseball, Rückfall- und Kriminalpolitik? Frankfurt am Main: P. Lang, 2008. 544 s.
30. Schimpfhauser E. M. Das Gewaltmonopol des Staates als Grenze der Privatisierung von Staatsaufgaben: dargestellt am Beispiel des Strafvollzuges (Studien und Materialien zum öffentlichen Recht, Bd. 33). Frankfurt am Main: P. Lang, 2009. 239 s.
31. Тюрьма в Германии. URL: <http://www.tyurma.com/tyurma-za-rubezhom/tyurma-v-germanii> (дата обращения: 10.01.2019).
32. Piven F. F. Ist das Arbeitserzwingungs- und Gefängnisregime funktional? // Das Argument: Zeitschrift für Philosophie und Sozialwissenschaften. Jg. 51/2009. H. 4 = H. 282. S. 651–654.

33. Meyer F. Privatisierung und Strafvollzug // *Bewährungshilfe: Soziales – Strafrecht – Kriminalpolitik*. Jg. 51/2004. H. 3. S. 272–282.
34. Gasch U. Privatisierung des Strafvollzugs: Vorstellung eines außereuropäischen Modells am Beispiel der Vereinigten Staaten von Amerika // *Bewährungshilfe: Soziales – Strafrecht – Kriminalpolitik*. Jg. 51/2004. H. 3. S. 260–271.
35. Naumann K. Gefängnis und Gesellschaft: Freiheitsentzug in Deutschland in Wissenschaft und Praxis 1920–1960, (Forschungen zur Geschichte der Neuzeit: Marburger Beiträge, Bd. 9). Berlin: Lit Verl, 2006. 335 s.
36. Alex M., Feltes Th. Von der Pathogenie des Strafvollzugs: rationale Erklärung für ein irrationales Phänomen // *Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen*. Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss, 2008. S. 87–100.
37. Zdun S. Männlichkeitsvorstellungen junger Aussiedler im Strafvollzug // *Gender-Mainstreaming – ein Konzept für die Straffälligenhilfe?* Freiburg im Breisgau: Lambertus-Verl, 2007. S. 246–265.
38. Thiee Ph. Das Opfer soll die Gemeinschaft stiften: über das Recht des Staates seinen Bürgern zu helfen oder sie zur Not auch töten zu lassen // *Neue Kriminalpolitik: Forum für Praxis, Recht und Kriminalwissenschaften*. Jg. 20/2008. H. 2. S. 60–67.

References

1. Bek U. *Society of risk: on the way to another modernism*, per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoi, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 383 p. (in Russ.).
2. Woyke W. *Internationaler Terrorismus als sicherheitspolitische Herausforderung (Seminarunterlagen)*, online abgerufen am 05.05.2018, available at: <http://www.unimuenster.de/Politikwissenschaft/Doppeldiplom/woyke/IntTer.ppt> (in German).
3. Gagiev Kh. R. Social-political mechanisms of counteracting terrorist threats in the Russian Federation, *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2017, No. 12, pp. 42–44 (in Russ.).
4. Petrenko M. V. The role of modern mass media in counteracting terrorist threats, *Nauchnoe obozrenie, Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2017, No. 4–5, pp. 56–63 (in Russ.).
5. Kruss V. I., Zaitseva O. A. Abuse of law and counteraction to terrorist threats in the Russian Federation, *Mezhdunarodnaya ochno-zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*, Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2016, pp. 112–117 (in Russ.).
6. Ryzhova A. A. Protecting the right for life when counteracting terrorist threats, *Natsional'naya bezopasnost' v sovremennoi Rossii: strategiya protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu i perspektivy preodoleniya global'nykh problem*, materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, in 2 vol., Saransk, 2016, pp. 123–128 (in Russ.).
7. Muzalevskaya V. A. Balance between providing societal safety and observing the human rights and freedoms in the modern world: theoretical and practical approaches, *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya*, 2013, No. 3, pp. 90–94 (in Russ.).
8. Loshkareva I. A. Freedom or safety: non-rhetoric question of the modernity, *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: aktual'nye problemy nauki i praktiki*, sbornik nauchnykh statei i докладов VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, ed. N. A. Shchegoleva, Orel, Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii. Orlovskii filial, 2015, pp. 118–121 (in Russ.).
9. Ovchinnikov S. N. On the issue of topical changes in the German criminal law, *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 2014, No. 5 (16), pp. 334–339 (in Russ.).
10. Kharlamov D. D. Problems of implementing preventive imprisonment in the German criminal law, *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2017, No. 7 (35), pp. 173–182 (in Russ.).
11. Klepitskii I. A. Social determination of criminal policy, *Gosudarstvo i pravo*, 2017, No. 4, pp. 39–48 (in Russ.).
12. Sokolova O. V. Privatization or public-private partnership in the system of punishment execution: foreign experience and prospects of eth Russian penitentiary practice, *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2014, No. 2, pp. 18–21 (in Russ.).
13. Kikot'-Glukhodedova T. V. Features of organization of penitentiary system in contemporary democratic states, *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki*, materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi mezhdomstvennoi konferentsii, ed. A. A. Votinov, 2016, pp. 278–281 (in Russ.).
14. Antropov R. V., Dondokov Ts. S. Juridical culture as an essential element of the legal system of the society: notion and features in the German legal doctrine, *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 6 (109), pp. 138–142 (in Russ.).
15. Schoch H. *Kriminalpolitik in Zeiten komplexer Bedrohungsformen*, *Kriminologie und wissenschaftsbasierte Kriminalpolitik: Entwicklungs- und Evaluationsforschung*, Bonn, Forum Verl. Godesberg, 2007, s. 45–64 (in German).
16. Morlok M., Krüper J. Sicherheitsgewährleistung im kooperativen Verfassungsstaat, *Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen*, Wiesbaden, VS Verl. für Sozialwiss, 2008, s. 331–340 (in German).
17. Smidt W., Poppe U. *Fehlbare Staatsgewalt: Sicherheit im Widerstreit mit Ethik und Bürgerfreiheit*, (Demokratie und Geheimdienste, Bd. 2), Berlin, Lit Verl, 2009, IV, 350 s. (in German).

18. Kätter M. Subjektive Sicherheit, Autonomie und Kontrolle: eine Analyse der jüngeren Diskurse des Sicherheitsrechts, *Der Staat: Zeitschrift für Staatslehre und Verfassungsgeschichte, deutsches und europäisches öffentliches Recht*, Bd. 43/2004, H. 3, s. 371–398 (in German).
19. Hobbes Th. *Leviathan or The Matter, Form and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil*, Hobbes Th. Sochineniya, in 2 vol., Vol. 2, Moscow, Mysl', 1991, 731 p. (in Russ.).
20. Ooyen R., Müllers M. Demokratie und Polizei: europäisierte Sicherheit im Mehrebenensystem aus politikwissenschaftlicher Sicht, *Europäisierung und Internationalisierung der Polizei*, Frankfurt am Main, Verl. für Polizeiwiss, 2006, s. 81–87 (in German).
21. Heinrich S., Lange H.-J. Erweiterung des Sicherheitsbegriffs, *Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen*, Wiesbaden, VS Verl. für Sozialwiss, 2008, s. 253–268 (in German).
22. Gusy Ch. Freiwilliger Verzicht auf Bürgerrechte, *Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen*, Wiesbaden, VS Verl. für Sozialwiss, 2008, s. 321–329 (in German).
23. Streng F. Bürgerstrafrecht oder Feindstrafrecht?, *Criminal justice in the United States and Germany: history, modernization, and reform*, 2006, s. 195–218 (in German).
24. Albrecht P.-A. Abschied vom Recht: das nachpräventive Strafrecht, *Zeitschrift für Bürgerrechte und Gesellschaftspolitik*, Jg. 46/2007, H. 2 = H. 178, s. 27–43 (in German).
25. Reemtsma J.-P. *Folter im Rechtsstaat?*, Hamburg, Hamburger ed., 2005, 150 s. (in German).
26. Kreuzer A. Zur Entwicklung äußerster kriminalpolitischer Instrumente: Todesstrafe, Folter, lebenslange Freiheitsstrafe und Sicherungsverwahrung in Deutschland, *Blick über den Tellerrand: Dialog zwischen Recht und Empirie; Festschrift für Hisao Katoh, den Förderer des Dialogs von und nach Japan*, Lengerich, Pabst, 2008, s. 61–82 (in German).
27. Oberfell-Fuchs J. "Punitivity" within the criminal justice system in Germany, *Fear of crime – punitivity: new developments in theory and research*, Bochum, Brockmeyer, 2008, s. 303–320 (in German).
28. Alex M., Feltes T. Von der Pathogenie des Strafvollzugs: rationale Erklärung für ein irrationales Phänomen, *Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen*, Wiesbaden, VS Verl. für Sozialwiss, 2008, s. 89–102 (in German).
29. Kostler-Loewe A. *Strafrecht US-Style: "three strikes and you're out!": Baseball, Rückfall- und Kriminalpolitik?*, Frankfurt am Main, P. Lang, 2008, 544 s. (in German).
30. Schimpfhauser E. M. *Das Gewaltmonopol des Staates als Grenze der Privatisierung von Staatsaufgaben: dargestellt am Beispiel des Strafvollzugs*, (Studien und Materialien zum öffentlichen Recht, Bd. 33), Frankfurt am Main, P. Lang, 2009, 239 s. (in German).
31. *Prison in Germany*, available at: <http://www.tyurma.com/tyurma-za-rubezhom/tyurma-v-germanii> (access date: 10.01.2019) (in Russ.).
32. Piven F. F. Ist das Arbeitserzwingungs- und Gefängnisregime funktional?, *Das Argument: Zeitschrift für Philosophie und Sozialwissenschaften*, Jg. 51/2009, H. 4 = H. 282, s. 651–654 (in German).
33. Meyer F. Privatisierung und Strafvollzug, *Bewährungshilfe: Soziales – Strafrecht – Kriminalpolitik*, Jg. 51/2004, H. 3, s. 272–282 (in German).
34. Gasch U. Privatisierung des Strafvollzugs: Vorstellung eines außereuropäischen Modells am Beispiel der Vereinigten Staaten von Amerika, *Bewährungshilfe: Soziales – Strafrecht – Kriminalpolitik*, Jg. 51/2004, H. 3, s. 260–271 (in German).
35. Naumann K. *Gefängnis und Gesellschaft: Freiheitsentzug in Deutschland in Wissenschaft und Praxis 1920–1960*, (Forschungen zur Geschichte der Neuzeit: Marburger Beiträge, Bd. 9), Berlin, Lit Verl, 2006, 335 s. (in German).
36. Alex M., Feltes Th. Von der Pathogenie des Strafvollzugs: rationale Erklärung für ein irrationales Phänomen, *Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen*, Wiesbaden, VS Verl. für Sozialwiss, 2008, s. 87–100 (in German).
37. Zdun S. Männlichkeitsvorstellungen junger Aussiedler im Strafvollzug, *Gender-Mainstreaming – ein Konzept für die Straffälligenhilfe?*, Freiburg im Breisgau, Lambertus-Verl, 2007, s. 246–265 (in German).
38. Thiee Ph. Das Opfer soll die Gemeinschaft stiften: über das Recht des Staates seinen Bürgern zu helfen oder sie zur Not auch töten zu lassen, *Neue Kriminalpolitik: Forum für Praxis, Recht und Kriminalwissenschaften*, Jg. 20/2008, H. 2, s. 60–67 (in German).

Дата поступления / Received 14.01.2019

Дата принятия в печать / Accepted 01.03.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2019

© Глухова А. А., Шпилев Д. А., 2019

© Glukhova A. A., Shpilev D. A., 2019